
СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ.

3 Іюня каждагодно совершается крестный ходъ изъ всѣхъ церквей города Вологды въ Спасо-Прилуцкую обитель, въ 5 верстахъ отъ города.

Не безъ основанія этотъ священный обычай одинъ изъ Вологодскихъ іерарховъ называлъ „историческимъ дѣломъ“. Начало его восходитъ къ сѣдой древности, когда только еще собиралась Русская земля. Въ немъ отразился старинный русскій духъ, русскій бытъ и вѣрованія. Скажемъ больше, — въ немъ сказалась политика Русскаго народа и Русскихъ Государей.

Это было въ самомъ началѣ XVI вѣка. Собиратель Русской земли, Великій Князь Іоаннъ III, предпринялъ тогда походъ подъ Казань. Татары казанскіе часто дѣлали набѣги на русскіе города и селенія, грабили ихъ и жителей во множествѣ уводили въ плѣнъ. Ихъ дерзкая рука не щадила и нашихъ святынь: ни храмовъ Божіихъ, ни святыхъ обителей. Въ житіяхъ сѣверно-русскихъ, особенно же нашихъ Вологодскихъ, подвижниковъ есть немало сказаній, какъ эти дикіе люди грабили монастыри и церкви. Рѣдкая изъ обителей уцѣлѣла отъ ихъ варварскаго нашествія. Спустя полъ-столѣтія, при взятіи Казани Грознымъ, русскіе плѣнники исчислялись въ ней цѣлыми десятками тысячъ.

Вотъ почему Іоаннъ III, этотъ первый—Русскій Самодержецъ, по выраженію нашего великаго историка и патріота Карамзина, двинулъ противъ Казани свои рати. По русскому обычаю, отправляя рати, Государь, для воодушевленія воиновъ, повелѣлъ принести въ станъ воинскій въ числѣ другихъ святынь образъ преподобнаго Димитрія Прилуцкаго. Образъ этотъ, по преданію, списанъ былъ рукою другаго великаго подвижника страны Вологодской—преподобнаго Діонисія Глушицкаго, который, по замѣчанію въ его житіи, „имѣлъ художество живописца“.

Очевидно, Іоаннъ III глубоко чтилъ Прилуцкаго угодника, какъ почитали его предки и потомки этого государя, пріѣзжавшіе нерѣдко на богомолье въ Прилуцкую обитель. Благословилъ Господь оружіе бранное противъ враговъ Креста Христова.

Татары были побѣждены и хрістолюбивое воинство русское возвратилось обратно.

Благодарный за явленную ему милость Божію, Государь, пославъ щедрую милостыню Прилуцкой обители, съ честію велѣлъ возвратити въ нее ея святыню. По его повелѣнію, честный образъ преподобнаго Димитрія торжественно встрѣченъ былъ въ Вологдѣ крестнымъ ходомъ, во главѣ съ Епископомъ Нікономъ, и препровожденъ въ Прилуцкій монастырь. Это было 3 Іюня 1503 года. Въ воспоминаніе сего событія, безъ сомнѣнія, по желанію самого же Іоанна III и установленъ былъ каждагодно крестный ходъ въ Прилуцкую обитель.

Сказаніе о возвращенной послѣ похода иконы преподобнаго Димитрія въ житіи его дополняется слѣдующими подробностями.

Въ описаніи одного изъ чудесъ св. угодника рассказывается, какъ однажды нѣкій благоговѣйный инокъ Прилуцкой обители былъ боленъ и лежалъ въ сильномъ жару. Въ забытій онъ видитъ новосозданный монастырскій храмъ. Въ немъ собралось много благообразныхъ сѣдовласыхъ иноковъ. Въ благоговѣйномъ созерцаніи этой картины, болящій начинаетъ искать глазами среди стоящихъ предъ нимъ подвижниковъ преподобнаго Димитрія, въ надеждѣ получить отъ него благодатное исцѣленіе. Въ это время онъ слышитъ голосъ, раздавшійся изъ алтаря, подобно грому: „ты ищешь Димитрія? Нынѣ онъ въ Казани“. Проснувшись, инокъ почувствовалъ себя исцѣленнымъ. Въ это самое время образъ преподобнаго Димитрія и находился съ княжескою ратью въ Казани. Описаніе этого чуда заканчивается сказаніемъ о явленіи преподобнаго самому Великому Князю Іоанну III въ моментъ битвы русскихъ съ татарами.

Вотъ начало и основаніе того священнаго обычая, который такъ свято соблюдается вологжанами, и вѣруемъ, будетъ соблюдаться въ роды родовъ.

Что-то особенно трогательное, глубоко—отрадное наполняетъ душу участниковъ этого крестнаго хода.

Съ ранняго утра звонъ городскихъ церквей, какъ въ свѣтлый день Хрістова праздника. Народныя массы толпами приливаютъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ загудѣлъ большой колоколъ на вологодской соборной колокольнѣ. Крестные ходы отъ церквей подходятъ къ каедральному собору, и соединившись въ одинъ, направляются въ путь. Заколыхались народныя массы. „Преподобне отче Димитріе, преподобне отче Сергіе, молитесь Бога о насъ“, раздаются голоса пѣвцовъ—священнослужителей. По пути слѣдованія на всѣхъ перекрестныхъ улицахъ стоятъ новыя толпы народа, чтобы присоединиться къ крестному ходу. И идутъ эти массы народныя, идутъ длинными вереницами, осѣняя себя крест-

нымъ знаменіемъ, идутъ иногда въ проливной дождь, иногда подъ палящимъ зноемъ, среди духоты и пыли, но идутъ всегда радостныя, со свѣтлымъ взоромъ, не зная утомленія и усталости. Ничто иное привлекаетъ ихъ, какъ любовь къ угодику Божію, сердечное желаніе поклониться его мощамъ, испросить его небесной помощи и заступленія среди бурь и непогодъ жизни. Вотъ эта сила народная, эта глубокая вѣра въ Бога и прославленныхъ Имъ угодниковъ. Какъ отрадна эта картина особенно среди нынѣшняго шатанія, разлада, борьбы страстей и волненія умовъ! Какимъ миромъ, какимъ успокоеніемъ вѣетъ она на путника! Нигдѣ не найти ему той согрѣвающей душу теплоты, того утѣшенія и успокоенія, какъ именно въ глубокой вѣрѣ въ Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Это самое дорогое, самое драгоценное сокровище хрістіанина. Блюди же это свое сокровище, святая Русь! Съ нимъ тебѣ жилось легко и отрадно. Безъ него же нѣтъ для тебя счастья и ты низринешься въ бездну пропасти.

Вотъ, пройденъ городъ, и крестный ходъ приближается къ обители. Что за чудные храмы виднѣются издали! Какая крѣпость рисуется! Да, именно крѣпость. Высокія стѣны, громадныя башни. Это—крѣпость не только духовная, но и военная и политическая. Объ этомъ со всею ясностію говоритъ намъ наша родная исторія. Чѣмъ могуча и славна была Россія въ прошломъ? Вѣрою въ Бога и святыхъ угодниковъ. На что, главнымъ образомъ, нападали и нападаютъ древніе и нынѣшніе враги Россіи, въ надеждѣ ея пораженія и уничтоженія? На св. вѣру, на храмы и обители—эти несокрушимыя твердыни народного духа. Вспомнишь исторію Свято-Троицкой лавры въ смутное время. Что лавра для Москвы, то Прилуки для Вологды.

Крестный ходъ подходитъ къ селу „Прилуки“. Новая картина открывается во всемъ ея величіи. На встрѣчу городскому ходу идетъ другой крестный ходъ изъ самой обители. И въ центрѣ послѣдняго завѣтная святыня,—несомый на высокіхъ носилкахъ, большой образъ преподобнаго Димитрія, тотъ самый, который былъ когда-то въ станѣ русскихъ воиновъ, сражавшихся противъ враждебныхъ ратей, вышедшихъ изъ столицы татарской. Какія чудныя незабвенныя минуты! Невольно уносишься мыслію въ глубину вѣковъ и вспоминаешь событіе 1503 года. Кажется, что съ высоты монастырскихъ стѣнъ и башенъ вѣка смотрятъ на насъ.

Остановились шествующіе и срѣтающіе. Совершается обычная литія. Оба крестныхъ хода слились въ одинъ и, шествуя подъ торжественный звонъ колоколовъ, вступаютъ внутрь вѣковыхъ стѣнъ обители. Вспоминались вѣка давно минувшіе. Вспоминался Боготецъ Давидъ, шедшій „предъ сѣннымъ ковчегомъ“ и чудно

въ одномъ изъ своихъ псалмовъ изобразившій побѣдное шествіе Іеговы, Бога брани, послѣ торжественной побѣды надъ врагами.

Въ главномъ монастырскомъ соборномъ храмѣ идетъ торжественная литургія. Соборъ переполненъ молящимися. Но странника влечетъ главная святыня—раки честныхъ мощей преподобныхъ.—Здѣсь, въ нижнемъ храмѣ, тѣсно и жарко. Цѣлыя толпы смѣняются непрерывно у гробницъ св. угодниковъ. Одни несутъ свою лепту—восковую свѣчку. Другіе стремятся приложиться къ святынѣ. Третьи стоятъ съ поминальничками, ожидая своей очереди. Безпрерывно служатъ молебны. Общая давка и сутолока. Но какъ яркое солнце, подъ этими мрачными сводами сіяетъ въра народная, усердіе къ святымъ угодникамъ. Здѣсь темная мысль ищетъ свѣта и просвѣщается. Здѣсь разбитое сердце ищетъ отрады и успокоенія. Здѣсь мятущаяся, угнетенная совѣсть исповѣдуетъ свои грѣхи и молить о благодатной помощи. Словомъ, здѣсь отражается сама жизнь со всѣми ея радостями и печальми.

Кончилась литургія въ главномъ храмѣ. Изъ него выходитъ крестный ходъ, направляющійся вокругъ стѣнъ обители. Опять заколыхались хоругви, заблестѣли за престольные кресты и иконы, отражая лучи солнечные. Опять массы народныя. Во время этого хода совершается молебное пѣніе преподобному Димитрію, съ остановками въ трехъ мѣстахъ. Кончился обходъ. Городской ходъ пошелъ обратно, а монастырскій сталъ возвращаться въ обитель.

Пойдемъ, читатель, за послѣднимъ, и взглянемъ еще разъ на историческую святыню земли Русской. Много въ ней и теперь замѣчательнаго.

Вотъ, надъ прилегающимъ къ собору монастырскимъ зданіемъ знаменательная черная доска. На ней вверху изображено недремлющее око, окруженное какъ-бы небеснымъ сіяніемъ. Подъ нимъ памятный 1812 годъ. Въ самомъ низу доски—надпись, изображенная слѣдующимъ двухстишіемъ:

„Безбѣдно Богъ меня въ сей лютый годъ хранилъ,
„Москвѣ разсѣянной прибѣжищемъ я былъ“.

Надпись эта говоритъ о существовавшей нѣкогда духовной связи обители съ Москвою и ея святынями. Она составлена Московскимъ игуменомъ Павломъ, который былъ блюстителемъ сокровищъ храмовъ и монастырей Московскихъ, свезенныхъ на храненіе въ годину Наполеонова нашествія въ Прилуцкую обитель.

Еще трогательнѣе эта связь Москвы съ Прилуцкою обителью выражена въ слѣдующемъ стихотвореніи, начертанномъ и хранимомъ, какъ дорогое сокровище, внутри того зданія, подъ кры-

шей котораго утверждена упомянута доска съ надписью. Вотъ это стихотвореніе:

„Въ то время, въ грозную для Церкви ту годину,
 Какъ новѣй Юліанъ, въ надменности своей,
 Безбожною рукою коснулся алтарей,
 (Разбойникъ, взявъ царя подложную личину),
 Въ то время, въ лютой часъ пылающей Москвы,
 Какъ сорванъ Крестъ Христовъ съ Ивановской главы,
 Какъ града жители отъ буйствъ врага страдали,
 (Ихъ крыло рубище—тирана вѣчный стыдъ),
 Въ то время въ сихъ стѣнахъ спокойно пребывали
 Игумень и архимандритъ:
 Одинъ—монастыря Угрѣшскаго Николы,
 Другой—святителя, что въ Греціи глаголы
 Въ желѣзные сердца золотые изливалъ
 И Златоустомъ свѣтъ котораго назвалъ.
 О, адскихъ замысловъ коварный исполнитель!
 Прерви змѣиный тонъ, парижанинъ Лессетъ!
 Насъ гласомъ матернимъ Москва къ себѣ зоветъ.
 Прости, священная обитель!
 Какъ ты покоила, какъ ты хранила насъ,
 Такъ да покоитъ Богъ тебя на всякій часъ“.

Сергіева Лавра выдержала нѣкогда нашествіе непріятельскихъ польскихъ и литовскихъ полчищъ. Но вотъ настали грозныя времена Наполеонова нашествія. Тогда на помощь Москвѣ пошла отдаленная Прилуцкая обитель. Она хранила ея сокровища и покоила ея разсѣянныхъ сыновъ. Вотъ памятники этой связи Москвы съ Прилуцкою обителью.

Пройдя чрезъ пролегающую къ собору арку, пугникъ за алтаремъ соборнымъ увидитъ часовню. Это—также дорогая святыня обители. Часовня эта сооружена надъ колодеземъ, ископаннымъ трудолюбивыми руками основателя обители. Вотъ за колодеземъ и большой деревянный крестъ, который соорудилъ онъ въ излюбленномъ имъ мѣстѣ на *Прилуцъ*, обозначая, по подвижническому обычаю, мѣсто созданія новой обители. Часовня обветшала уже отъ времени, но по стѣнамъ ея и теперь еще виднѣются живописныя изображенія замѣчательныхъ моментовъ житія преподобнаго. Какъ пришелъ онъ въ дебри Вологодскія. Какъ изгнанъ былъ „неблагодарными“ жителями Авнеги изъ ея предѣловъ. Какъ радостно встрѣченъ онъ былъ жителями Вологды. Какъ созидалъ обитель на *Прилуцъ*. Здѣсь всюду вѣетъ духомъ святой старины, какъ и въ самомъ храмѣ у гробницы преподобнаго, духомъ мира и покоя. Какъ будто заходишь въ совершенно иной невѣдомый міръ, оставляя за собой все, до сихъ поръ тебя окружавшее, и уносишься мыслію

далеко, далеко... То витаешь въ глубинѣ вѣковъ и стараешься въ своемъ воображеніи воскресить по этимъ священнымъ реликвіямъ дни давно, минувшіе. То стремишься вознестись горѣ, въ пренебесный міръ и духовными очами созерцать того, кто „нынѣ со ангелы ликовствуя“, молить за насъ Спаса Всевышняго.

Направо отъ часовни стоитъ малая церковь—усыпальница. Рядомъ съ ней надгробный памятникъ, увѣнчанный лаврами. Тутъ могила нашего извѣстнаго Вологодскаго поэта Батюшкова, предшественника въ области литературныхъ твореній великаго Пушкина.

Остановившись у этой могилы, невольно вспомнилъ я свои юношескіе годы, когда еще на школьной скамѣ изучалъ поэзію этихъ двухъ свѣточей и писалъ сочиненіе о родномъ поэтѣ. „При блескѣ солнца меркнетъ блѣдная луна, но въ Божьемъ мірѣ всему свое время и свое мѣсто“. Вотъ какія слова изъ труда моего воспоминались мнѣ. Но кому какое дѣло до моихъ воспоминаній?..

Не хотѣлось разставаться съ родной святыней. Вотъ, подошелъ я къ монастырской стѣнѣ и поднялся на террасу, чтобы еще побыть здѣсь, гдѣ всюду такъ дышется легко и отрадно. Но потомъ глубоко раскаялся въ послѣднемъ своемъ предпріятіи. Вся стѣна исписана. Разбираю. Тутъ „заборная литература“. Тамъ—опошлившіяся надписи на современные темы. Письмена эти произведены руками людей, не для молитвы приходившихъ въ святую обитель, какъ откровенно заявлено ихъ составителями. Они лишили меня того добраго настроенія, съ которымъ я до сихъ поръ путешествовалъ по обители. Мрачная дѣйствительность встала предо мной во всемъ ея отвратительномъ видѣ. Глубоко возмущенный святотатственной рукой, я хотѣлъ-было предать гласности нѣкоторыя изъ нихъ. Но почувствовалъ, что эта литература не гармонируетъ съ моимъ мирнымъ трудомъ, вносить разладъ въ душу и потому оставилъ свое намѣреніе. „Да не возглаголють уста моя дѣлъ человѣческихъ“...

Люблю я тебя, родная обитель! Ты мнѣ вдвойнѣ дорога. Ты моя вторая родина. Ты моя первая просвѣтительница. Начальная школа народная въ твоихъ стѣнахъ нѣкогда пріютила и меня, дала мнѣ первые начатки „разумѣнія писаній“, а среди тебя впервые сталъ я познавать премудрость Божию. Спасибо тебѣ, русское спасибо за твое добро, за твои благодѣянія! Свѣти-же христіанскому міру, свѣти вѣкамъ грядущимъ, какъ свѣтила ты доселѣ вѣкамъ минувшимъ!

А ты, родная школа, не забывай своего монастырскаго мѣсто-пробыванія. Помни, что монастыри искони были разсадниками *духовнаго просвѣщенія* на святой Руси. Пусть къ храму Божию не заростетъ твоя тропа. Просвѣщай твоихъ питомцевъ позна-

ніемъ премудрости Божіей. Помни, что эти завѣты оставилъ тебѣ твой незабвенный законоучитель о. К-нъ, память о которомъ еще жива среди окружающихъ. Вотъ тебѣ сердечныя пожеланія одного изъ сыновъ твоихъ!
